Я пережил три времени [О семье, детстве и юности]

Николай Иванович Либан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Запись бесед В.Л. Харламовой-Либан, 2005–2007 годы.

- Я пережил три времени [О семье, детстве и юности]
  - ○

Я пережил три времени [О семье, детстве и юности]

Род наш путаный. Несчастный род — по судьбе.

Бабка моя, Юлия, сбежала с французом. Все бросила. Потом ее француз бросил и обобрал. Когда она вернулась, отец, Роман Осипович, сказал, что не хочет ее видеть, дал денег, и она ушла к матери, Анне Меркурьевне (она жила своим домом).

Роман Осипович — адвокат, товарищ знаменитого Плевако.

Младший сын Юлии и брат Марии Романовны (моей матери) пристроился около нее. Когда надо было идти на войну 1914 года, Сережа был очень огорчен, что нет женщины, которая бы его благословила. Он погиб на войне.

Старшую сестру, Нину Романовну, загрызли волки. Ей было 24–25 лет. Она была атеистка, революционерка- народница. В рождественский сочельник стала учить крестьян безбожию. Они ее выгнали, а по дороге ее волки разодрали.

Мария Романовна, моя мать, вышла замуж в 18 лет. Она была красавица. По существу, это была продажа. Ну, что такое гражданская жена? Она же никаких прав не имеет. Мария Романовна училась в Харьковской гимназии и за отличные успехи награждена книгой Авенариуса «Отроческие годы Пушкина». Книга эта у меня сохранилась в очень хорошем состоянии.

Мои сестры, Оля и Маруся, умерли маленькими. Мой прапрадед по линии Марии Романовны — епископ Иоасаф Горленко (Белгородский). Он епископство- вал на юге Украины.

Александра Дмитриевна Себелёва — моя дальняя родственница по матери, Марии Романовне. Наставница, друг. Демократка. Смолянка. Училась в Смольном институте вместе с Коллонтай. Но в знак протеста (был бунт смолянок против деспотизма) ушла из Смольного, а Коллонтай осталась.

Мария Романовна была очень робким человеком. Она всю жизнь всего боялась. Была очень добрая, хорошая, исполнительная, но всего боялась. А Александра Дмитриевна была совсем не робкая. Она владела гипнозом, все умела делать. Со мной была очень ласкова. Но в первый раз, когда я не пришел ночевать, она меня сильно по щекам отшлепала.

Я был застенчивый мальчик. Потом я стал нахальный.

Однажды на меня пожаловалась прачка Нюша. Мне было 7–8 лет. Я сказал ей, что она хамка. Ох, какую я получил взбучку от Александры Дмитриевны! Нет, меня не били. Но словесная была взбучка. Мне доказали, что тот, кто так говорит, сам является

хамом. А ведь на всю жизнь запомнил!

Жаль, что ты не увидишь Панпушко Михаила Васильевича, генерала артиллерии. Это был бы мой крестный отец, но он заболел, и вместо него был дьячок. Панпушко жил в том доме, где и мы. Он был очень высокий, такая громадина, вот как этот туалет. Его переехало орудие. Шли полевые занятия. Он не рассчитал и вовремя не выскочил из-под орудия. От боли он сошел с ума. Год он был сумасшедшим. Но он был человек такой физической силы, что брал лошадь за передние ноги, как мы собаку. Настоящий богатырь! Он все это перенес, остался жив и через год вернулся на военную службу. Он мало разговаривал. Их было семь братьев, и все генералы. Один из них

изобрел химические отравляющие вещества. Ему поставлен памятник в Петербурге. Самый молодой, Владимир, тоже был огромный. Очень хорошо сложен. Красивый, стройный, выточенный. Он приходил к нам оставить сундук с вещами. Накануне революции он получил генеральский чин, но тот уже был никому не нужен.

Революция дала детям футбол. Это очень организовывало. Знали иностранные слова (например, офсайт), выучивали их и этим щеголяли.

Мальчиком я был посошником патриарха Тихона. Это приятно, красиво. Ты узнаешь, что такое молитва. Я боялся, что мои одноклассники на меня наговорят, но они боялись сделать мне дурное, и никто ничего не сказал.

Варвара Сергеевна Смирнова — учитель, врач, биолог. Закончила 5 факультетов, училась в Сорбонне. Очень сильный, добрый человек. Спасла меня в тяжелую болезнь. Выходила. Религиозный человек, переживший атеизм. Характер крутой (из рода Скуратовых). Варвара Сергеевна — педагог, имевший огромное влияние на мои представления, на мой внутренний мир и на мое интеллектуальное развитие. Под ее руководством я прочитал много книг, и еще больше я узнал от нее об авторах этих книг. Она была человек исключительной образованности. Не то важно, что она кончила пять факультетов и училась в пяти иностранных университетах, а то важно, что она понимала, что значит наука, что значит внутренний мир человека, как человек складывается в личность — вот это, конечно, было самое большое. Я с ней путешествовал по всей России.

По России я был почти везде: Киев, Киево-Печер- ский монастырь, Крым, Одесса и вокруг. Кавказ, Тифлис, Ереван. Новгород Великий. Псков. Волга. Самара, волжские города. Архангельск. Вологда. Кирилло-Белозерский монастырь. Карелия. Петрозаводск. Алтай. Тайга. Ярославль. Соловки. Владимир.

Суздаль. Орел, Курск. Желание знать Россию — это очень развивает.

Стихи, сочиненные мною в 15 лет:

Утонувши в паутине синей
Куполами золотой листвы,
Пробегают мысли юные,
Как весенние цветы. <…>
Остановилися мечты
Здесь эмигранта молодого,
И уязвили две иглы
Страдальца русского народа… <…>
Москва — его родимый город,
Он здесь родился, здесь умрет. <…>

Бог спас меня от этой каторги — эмиграции.

Каждый день старею и старею, Каждый день желтеет кожа рук, И по-прежнему уж больше не смеется Голубой овал усталых губ. <…>

У нас был литературный кружок. Мы издавали рукописный журнал «Начало». Туда входили братья Долматовские, Николай Коголь, я, мой друг Колосов Дима, он напечатал там свою повесть «Побег».

У меня был большой рассказ «Рассчитали». Я там Горькому подражал. А второй раз издать у нас переписчика не нашлось. На машинке мы не хотели. Нам казалось это некрасиво. Дмитрий Колосов был большой мой друг- Очень способный человек. Кончил географический факультет. Экспедиция на Север. Попал под облучение. Вернулся в Москву, но ничего нельзя было сделать. Ему было лет 25.

Брат Евгения Долматовского, Юрий, — художник-автомобилист. Проектировал автомобили. У них была чудная мать — Аде ль Марковна, она всегда всем помогала. Отец их был известный адвокат. Его посадили, сослали, квартиру на Гоголевском бульваре отобрали.

В школе я учился вместе с М. Садовским. Он еще мальчишкой чувствовал себя актером.

Мы жили очень дружно. Друзья моей юности: Саша Каменский, Дима Колосов, Даня Шуб. Вместе мы были на Алтае. Алтай я пережил эмоционально очень тяжело. Это путешествие меня совершенно измотало.

Я вспомнил, как школу прогуливал. 6 класс. Второе полугодие. Как я собирался в школу? Клал в ранец книги, тетради, «торопился не опоздать». А сам гулял! Весна! Так я гулял

долго. Пока на улице меня не встретил одноклассник. «Коля, почему тебя нет в школе?» — «А я гуляю. Вот послушай, как ручьи журчат, птички поют!» Он, конечно, послушал, но все рассказал матери, а она — школе. Я потом на второй год остался и уже слушал уроки, а не ручьи.

Я с детства не любил похороны. Всегда, когда надо было хоронить, я убегал. Я люблю живое.

Мой учитель, Георгий Иванович Фомин. Демократ. Кончил МГУ и был рекомендован в Шелапутинский институт инспекторов гимназий. Корпус охранителей. Его жена, Марья Николаевна Гидеонова, дочь директора императорских театров. Это была не пара. Брат Марьи Николаевны учился в Кадетском корпусе, где занимались революцией. Читали книги, сочиняли прокламации. Написали письмо Гидеонову. Он ответил: «Я вам поручил воспитывать сына Отечества, верните мне мальчика без идей. А если не можете, оставьте свое место». Директор корпуса решил не трогать Николая Николаевича Гидеонова. Дело замяли.

Меня, подростка, очень интересовал вопрос активного и пассивного протеста. Я носил мещанский картуз. Это было подражание Георгию Ивановичу Фомину, учителю словесности. Я ему завидовал. Его никто не любил, кроме жены, аристократки. Он был худой, желчный. Надо всем смеялся так, как будто и не смеется. Мне нравилась его ирония и неприступность. Но у меня не получалось быть таким. Я думал, что доброта — это не качество мужчины. Но ты знаешь, свою натуру не переделаешь.

«Погасла свечка — исчезла чудная узбечка». Это сочинил Вас. Григ. Колосов, биолог школы, где я учился.

На Собачьей площадке был дом Хомякова. Я туда ходил с трепетом. Мое знакомство с ним давнее. С 5 класса. У него прекрасные пронзительные стихи о России, я полюбил их на всю жизнь:

С душой, коленопреклоненной, С главой, лежащею в пыли, Молись молитвою смиренной И раны совести растленной Елеем плача исцели!

Сейчас там все снесли, растащили, поломали, бросили. Хомяков привлекал меня своей преданностью России, славянской идее. Хомяков и Чаадаев — антиподы. Хомяков переводил с французского языка «Философические письма» Чаадаева. А в историографии утвердилась тенденция, что славянофилы — реакционеры.

Когда мне было 15–16 лет, я работал в РКИ (рабоче-крестьянская инспекция). Я спасал проституток от их деятельности. Одна из них, Зинка. Я не дал ее выселить из Москвы и пристроил в библиотеку к Марии Романовне. Потом

она стала работать в больнице. Надо мной они смеялись и называли «чудной». Через много лет, когда я попал в больницу и у меня была тяжелая операция, она мне там встретилась. Узнала. Обрадовалась. Звала «чудной» и очень хорошо за мной ухаживала.

Я видел и Брусилова. На квартире генерала Доливы-Добровольского. Его

дочь, Нина, училась со мной в одной группе на педагогических курсах (8–9 классы — спецуклон. Там же училась княжна Борятинская). Алексей Алексеевич Брусилов — генерал новой формации. Он отличался уже не огромным ростом, а умом. «Брусилов- ский прорыв» (война 1914 года) вошел во все учебники истории.

Нина Доливо звала меня к ним: «Коля, приходи к нам. Потанцуем». — «Ты же знаешь, что я не танцую». — «Ну, хорошо. Тогда посидишь со стариками. Они тебя очень любят. Говорят, что ты единственный приличный человек». Я пришел. Подходит один, я здороваюсь. Он такой весь в искрах: глаза искрятся, улыбка искрится. Это был Брусилов. Он сказал, что в учебниках о нем правды нет — одни небылицы. У него была своя трагедия. Его сын, филолог, единственный специалист по языку майя. Он считал, что должен продолжить дело отца. Попал в «белые части». Они его зверски убили, отомстив за то, что Брусилов перешел на сторону Советской власти.

В одном из московских переулков есть особняк, который был дан Брусилову Советской властью. В него бросили бомбу. Сейчас там какая-то иностранная миссия. После смерти Брусилова его жена не захотела жить в России.

Я работал в школе в Лужниках. Мне было 17 лет. Сначала это была привилегированная школа, потом стали привлекать крестьян. Это были очень хорошие дети, только неразвитые. Я преподавал русский язык, литературу, историю (5–6 классы). Когда наступило раскулачивание, один из мужиков, Парфен, не пошел в колхоз, не ушел из Лужников. Я к нему приходил, спрашивал, как он живет.

- Вот руки есть. Видишь, руки. Их не отнимешь.

- А животина у тебя есть?

- Вот, смотри!

И приводит зебру:

- Она может работать.

К нему пришел налоговый инспектор, стал требовать платить налог за лошадь. А Парфен говорит: «Это не лошадь. Это зебра». Через несколько дней инспектор опять пришел и говорит: «Вот смотри — справочник. Здесь написано: «Зебра — африканская

лошадь». Плати налог!» Но Парфен платить не стал и зебру отвел в Зоологический сад откуда ее и взял. Инспектор приходит:

— Где зебра?

— А я откуда знаю? Ушла! В Африке где-то шатается.

У нас в Левшинском переулке (рядом с Денежным, где я жил) дворничиха, когда детей звала, кричала: «Мури, Клуди, Сергей, Натулий, Катерина! Обедать — щи есть!» Мальчишки выучили и передразнивали ее. Иногда сбегались и с Пречистенки, спрашивали, где пожар.

Это срам и позор, что Пожарский переулок, где сами камни говорят, что люди буквально ходят по истории, — и эта историческая Остоженка уничтожается.

Что значит «Хамовники»? Производство ткани, так же как и «Кожевники». Ткацкое, полотняное, скатертное дело.

Разве кто-нибудь думал в 1917 году, что через столько лет будут ставить памятники царям? [Открытие памятника Александру II у Храма Христа.]

[О Манеже]

Я родился в Москве и помню это здание, когда оно еще было непосредственно манежем — то есть местом, где гоняют лошадь на корте. Потом его перестроили: круг, который выходил в Александровский сад, срезали, сделали прямую стену и устроили гараж ЦК. Потом снова перестраивали, и одно время даже хотели снести, но здание отстояли, и тогда его приспособили к выставочному залу. Ведь здание само по себе очень привлекательное. На выставки я туда практически не ходил — не интересно было. Для выставок это мало приспособленное место. Оно, конечно, большое, но для выставки нужен свет, определенное направление солнечных лучей. А этого там нет. Самое интересное в Манеже — это его конструкция. Он построен без подпор. Там балка проходит через все здание — такой особый технический расчет, и она нигде не закреплена

гвоздями. Все держится на шипах. Это было прямо гениальное решение для начала XIX века.

В 35 лет я читал лекции для артистов Большого театра. Тогда я уже работал в МГУ. За лекцию платили 100 рублей, и это было много.

[О писателях и литературе]

Жуковский очень сильно влиял на Александра II. Жуковский завершает сентиментализм. Литературоведы не согласны: романтизм предпочтительней сентиментализма. Жуковский шире и выше. Само понятие «меланхолии» очень широкое. Веселовский в своей книге о Жуковском везде ищет клише. У него школа исторической поэтики — повтор выстраданных образов, формулы

выстраданного чувства.

Все творчество Жуковского — молитва.

У Жуковского один талант — любовь к прекрасному. После Веселовского критические работы о поэте выглядят очень скромно. Почти не пишут о нравственной чистоте его таланта. У Жуковского одухотворенность, бесплотность. У него нет фамильярности, что будет потом, у Пушкина. Недаром за тем утвердилось, что он «похабник». Но он знал, что у Жуковского можно заимствовать («гений чистой красоты»). Жуковский много сделал для России.

Как все-таки чувствуется постепенное падение культуры. Пушкина читать не скучно. Не надоедает. Читаешь и не замечаешь, что читаешь. (Это когда он «дурака не валяет».) А у Гоголя уже временами скучно. У него большой талант, но с прорехами. От Пушкина до Гоголя — уступка демократизму, простоте. Пушкин ведь очень изысканный, изящный во всем. «Прекрасное должно быть величаво». Это его принцип. И того «горшка», о котором он говорит, он все-таки нигде не нарисует («щей горшок да сам большой»). Он нигде не уступает наплыву демократизма XIX века. И все было подано как новое качество.

Гоголю был не по силам его талант.

[Запись с лекции по литературе XVIII века.]

Зинаида Волконская — одна из интереснейших женщин России: она поэтесса, она певица, пианистка — вообще человек необыкновенной одаренности и необыкновенной красоты. Кто в нее был влюблен?

Студент: Царь, наверное.

Н.И.: Вы отвечаете так, как мужики в «Кому на Руси жить хорошо»: «Кому живется весело?» — «Царю!» Нет, ну что же вы. Я все-таки имею в виду круг литературных имен. В нее был влюблен поэт Дмитрий Веневитинов. У него был перстень, который Веневитинов хотел надеть либо на свадьбу, либо в день смерти. Когда он умирал, Хомяков надел ему на руку этот перстень. Веневитинов спросил: «Значит, я все-таки делаюсь мужем Зинаиды Волконской?» Тот ему сказал: «Нет». Веневитинов сказал: «Понял, все понял» — и умер. Это история одной любви, очень интересная. Я вам сейчас ее рассказываю не потому, что она мне случайно пришла на ум, а потому, что это всё — в русле таинственного, нераскрытого — масонского.

60-е годы XIX века. Россию тянет к национально-историческим обобщениям широкого масштаба. (Толстой, Герцен, Достоевский.) Не только Россию, но и всю Европу.

Когда я прочитал первый раз «Обломова» Гончарова, мне было 15 лет. Как мне стало жаль Обломова! И как я испугался,

что я на него похож! А сейчас он у меня вызывает раздражение, хочется сказать: дурак, что ты делаешь? Роман написан очень хорошо. Язык! Ни одного лишнего слова. Диалог идет легче, чем у Толстого.

Как я завидовал Штольцу: ему давались науки, а мне не давались. Мой талант — это не талант, а судьба.

Русская жизнь не показала выхода из «обломовщины». Штольц — это не выход. Обломов умер спокойно, никого не потревожив, не нарушив спячки, которая была

вокруг разлита. Он даже как-то примирил жизнь "спящую» с жизнью «деятельной». И как это, в сущности справедливо и трагично, что Ванечка уже в гимназическом мундирчике, а Андрей Обломов, наследник Ильи Ильича, — о нем вообще ничего не сказано. Штольц, наверное, не допустит, чтобы был еще один Обломов. У Ольги и Штольца не было детей, как у самого Гончарова.

Гончаров не дотрагивается до тайн религии, христианства. У него это только обрядовая сторона, праздники. И в этом смысле он ничего не разрушил, как Толстой и Достоевский.

Христианский социализм вырос из идей христианства. Потом народовольцы.

«Подпольный человек» вырос из мечтателя 40-х годов. Пройдет 20 лет, эта эволюция образа — это настолько точно!

Достоевский всю жизнь стоял перед вопросом веры и неверия. Он был верующий атеист. Он тот, кто мог сказать: «Господи, помози моему неверию». Достоевский — растленный писатель. Белинский написал: «Надулись мы с Достоевским». Повесть «Бедные люди» — глубоко гуманистическая вещь, а «Хозяйка» — там все держится на патологии, развращенной пошлятине, на сексуальных передрягах, а от него ждали продолжения «Бедных людей». Это уже в ключе декаданса. Декаданс — это падение, извращение. Когда-то я был без ума от Достоевского. Я прочитал его от корки до корки. Я понял, что это страдающий писатель. И страдания свои он хочет передать читателю.

Когда читаешь «Войну и мир» — так хорошо написано! А другое у него скучно. Там такая жизнь прекрасная, замечательная. Это живая жизнь, но в ней нет патологии, сексологии. У Толстого не было «чистоты нравственного чувства» в жизни. Но свою мечту об этом, или идеальные

представления, он выразил в художественных произведениях. Это и есть диалектика. В жизни — одно, в искусстве — другое.

У Чехова лучше всего написан «Дядя Ваня». «Чайка» мне не нравится. «Вишневый сад» написан как пародия на дворянскую культуру, трагедию разорения. Чехов — демократ. Андрей

Кончаловский очень талантливо поставил «Дядю Ваню». Очень гармонично, ничего лишнего. Это великая вещь, когда ничего лишнего. У Чехова хороши юмористические рассказы.

Я люблю стихи И. Никитина, Некрасова, Ал. К. Толстого.

Из поэтов я люблю Некрасова. Человек он был дрянной, а стихи писал хорошие.

Да, я вижу тебя, Божий дом, И апостола Павла с мечом, Облеченного в светлую ризу. Выводи ж на дорогу тернистую, Разучился по ней я ходить.

У Ал. К. Толстого мне очень нравится "Сон Попова":

На маленьких салазках Министры вниз летят.

Вот Юрий Лощиц — он христианин, и он это не растерял, не расплескал. А Б. Пастернак хотел быть христианином, но не смог эту цельность в себе выдержать.

Стихи Ларисы Васильевой очень хороши: музыкальны, живописны, драматичны (в меру). Она владеет стихом. Свободно. Это мастерство. Культура взята ею самой. Она запустила руку в чернозем и вынула оттуда горсть благородной, благоухающей плодородной земли. И отдала это людям — то духовное богатство, которое рассеялось вокруг. У нее природная хватка, как у всякой богатой на

туры. (Как она, будучи у меня в семинаре, скрыла свой талант?) Талант в лирике — проникновение в человеческую душу. Так в XIX веке мог только Фет. Много солнечного, человечного. Л. Васильева — настоящий лирик. У нее внутренний глаз — глаз художника.

[Запись с лекции по литературе XVIII века.]

Дорогие товарищи, господа. Надо говорить так: господа-товарищи. Мне эта форма очень нравится. В 1908 году был издан приказ, чтобы всех называли «господа», после 1905-го года. И вот в деревню приезжает полицейский и говорит: «Господа мужики, господа бабы». Эти «господа» садятся и спрашивают: «А почему мы господа?» — «А потому что вас произвели в господа». — «Да мы мужики, мы бабы». — «Ничего, сойдете за господ. Вот вам надо платить такую-то дань». Все воют. «Нет, раз вы господа, вы богатые».

Так вот, господа студенты, вы какие книги читаете

по моему курсу? Говорите правду.

Студент: Г.А. Гуковского. П.А. Орлова. Д.Д. Благого.

Н.И.: Гуковский, Благой. Надо обязательно читать. Орлов Павел Александрович — очень неплохо написано. Гуковский — очень хорошая книга, он очень труден по своему социологическому направлению. А Сиповскии — это лучший учебник, он лучше всех написал. Он, прежде всего, лучше всех их

знал XVIII век. Знание фактического материала — это ведь тоже очень много значит.

30-е годы XX века — там Есенин, Маяковский, противостояние классике. Маяковский ниже Есенина, по таланту, приспособленец. У него была тайная тетрадь стихов, которую никто не знал. Были Светлов, Багрицкий. Но все мои писатели — от Древней Руси до XIX века. В современных я ничего не нахожу. Это не мой мир.

В современной литературе видно оскудение душевности. Вместо любви — в основе ненависть (классовая борьба). Не соединение душ, а разъединение. Вместо совести — классовая мораль. Уникальность личности сведена до винтика. Вечное (бесконечность) заменено на злободневное (сиюминутность). Область литературы прошлого — мимоидущий лик земной, который соприкасается с вечностью, а корни всего, происходящего здесь, — в мирах иных. В современной литературе вместо жизни — идея, вместо человека — носитель идеи, представитель класса. Свобода выбора, свобода совести закреплены.

Живая жизнь требует постоянного выбора, участия всех чувств, работы ума и сердца. А здесь — механическое следование идее. «Мы» вместо «я». «Я» ни за что не отвечаю; есть головы, а я — человек маленький. Раз человека освобождают от личной совести, ответственности, то он сличает свои действия с чужими. Ценна не индивидуальность, а похожесть, униформа. Любят по классовому признаку. Раньше — увозы, а теперь сами любящие предпочитают любви верность классу.

Социальный титанизм: единицы — носители истины, остальные — механические исполнители. Идея «шигалевщины» — головы сровнять, гении нам не нужны.

«Котлован» — для чего роется? Для Дома. Для кого Дом? Для человека. А человека-то нет.

Цель преподавания литературы — изменить эту основу на прежнюю: любовь, уважение к любому человеку. Заменить оскудение. В литературе выделять не идею, а сопереживание, развитие чувств ребенка. Мысли — общи, чувства — уникальны, в них проявляется и раскрывается личность.

Текст — живой организм, ни на что не похожий.

Стефан Цвейг утратил семитский характер и покорился европейскому мышлению, чувствованию. «Незримая коллекция». Углубление Достоевского. Описание поведения слепого. Он расхваливает коллекцию, которой уже нет. Она распродана, но он относится к ней как к существующей. Отношение незрячего к тому, что он не

может видеть, но чувствует. Такой психологический мир, очень интересный.

Роман Роллан — очень чистый писатель. Очень нравится «Очарованная душа». Общегуманитарный еврейский вопрос. У Толстого он заимствовал «чистоту нравственного чувства».

Диккенс — очень колоритный. Попадаешь в Англию, в эпоху, забывая, что ты в России. Очень хороша характеристика типов: гуманисты, пройдохи. Он психолог. Мало литературного — это самое главное.

Никакая другая литература так не возвысилась, как русская. И возвысилась своим пониманием человека.

У меня написано 300 страниц о Помяловском. Это была целая диссертация. Но появился некто <…>, которому надо было срочно печататься, и я уступил ему место.

Жаль, что никто не написал монографию «Место сословий в русской жизни».

Я вписал крестьянский мир в мир привилегированный. И этим сделал упрек пушкиноведению, которое одну Арину Родионовну превознесло, а дядьку Пушкина забыло.

Кто написал о Серафиме Саровском и Пушкине? Кто теперь обратит на это внимание? О крестьянской интеллигенции и барине тоже никто не писал.

[О книге «Лекции-очерки по истории русской литературы первой трети XIX века».]

Хорошо, что книга о Ваньке Каине и «Записки» Болотова сейчас переиздаются.

У меня была идея — написать историю движения критической мысли в России. Не по темам, а как двигалась критическая мысль.

Я много занимался «второстепенными писателями». У них всегда видно, даже там, где это не нужно, как работает метафора. А у большого писателя это все органично. Ему не нужна лишняя метафора. Но сами гении многое у них взяли.

Художественная литература не нашла отражения нынешним бедам человечества. Писатели забыли, что главное — человеческое сердце и борьба, страдание, связанное с ним. Литература так называемого «факта» тоже не выдерживает критики. На литературу понижен спрос. Нам нужен сегодняшний факт — говорит обыватель. Такая односторонняя тенденция нехороша.

Серьезный писатель не может учитывать читательский спрос. «Не продается вдохновенье…» Только на расстоянии может возникнуть большое и серьезное.

Первый признак того, что произведение хорошее — когда о

героях судят и говорят, как о живых людях. То же и в театре. Но я мало видел таких спектаклей. Билет в театр всегда стоил дорого.

Нашему искусству была чужда идея народничества.

Формализм — то, что может быть вспомогательным для исследования, но вторую жизнь дать исследуемому предмету (искусству) не может.

[О врубелевском стекле.]

Эпоха декаданса. Оно было в ходу. Ничего не изображает (волна, море — абстракция). Декаданс — утрата формы. Форма должна быть разрушена. Это очень существенно в выражении содержания и чувства. Так убивается и содержание. Остается только настроение. Содержание было заменено настроением, и утрачена сама идея формы.

Открыли ДНК. Но еще не прочитали. Генетическая карта. Таблица Менделеева еще не заполнена. Но ДНК -

это куда сложнее. А расщепление атома однажды откры- ли — сделалось преступлением против человечества Но человеку, видимо, не все дано.

[О Лескове]

Кто-то написал донос на мой семинар по Лескову. Сказали, что семинар надо закрыть. Я всех распределил по кафедрам. Меня вызвали писать заявление о закрытии семинара. Деканом тогда был Ухов. Потом выяснилось, что писали не из семинара, а из парткома. Это еще хуже. Писали из зависти.

Я вел семинары по Лескову лет сорок. Я его, можно сказать, в люди вывел. И в том, что Лескова теперь рассматривают как классика, есть и моя заслуга. Я его из "второстепенного ряда» в первый ряд поставил.

Я хочу от вас рассуждений об идее, об искусстве. Сейчас образовательный ценз очень снижен. Филологу не нужно заниматься религиозными вопросами. Сейчас другая психика, другой мир, более бедный. Последние исторические события сняли духовные страдания, само понятие духовно-душевных страданий. После революции были другие страдания: нет хлеба, нет денег на гроб, похоронить близкого человека не на что.

Сейчас не может быть Печориных, Вер, лесковских героев.

[Университет]

Я прочитал в МГУ 23 курса. И первый — «Северная агиография и монашество в северных монастырях».

Когда я работал замдекана на вечернем отделении, я сказал выпускникам: «Выше поднимайте стяг апостольского живого слова!»

Человек одного со мной круга и хорошо ко мне относящийся А.К. Старкова (преподавала английский язык) говорила: «Когда я

служила у Ливана на ночном отделении…» Или: «Если Либан направил свои войска, значит он победит».

Еще в ИФЛИ я с Еголиным принимал экзамен по литературе у Твардовского. Твардовский написал «Василия Теркина». Герой с таким именем есть у Боборыкина. Но Твардовский утверждал, что он не знал этого автора и этого имени.

У меня всю жизнь была идея перевести энергию болезни на энергию постижения знаний, и тогда больного можно излечить. Я всю жизнь занимался больными.

А.Г. Соколов говорил обо мне, что писать у меня диплом — счастье, потому что я с каждым студентом работаю над каждым словом.

Ты обратила внимание, что работы, написанные по заказу, очень бесцветны, неинтересны? В них нет никакой мысли.

Сейчас идет грызня вокруг словаря Ожегова. Хотят объявить несостоятельной такую огромную работу. Переиздание словаря в первозданном виде без «г» и «ж», из-за которых разгорелась полемика.

Сергей Иванович Ожегов — очень талантливый человек. Лингвист.

Шведова — умница, с ясной головой (одна из дочерей Айхенвальда, который писал «Силуэты русских писателей»), Виноградов, когда она работала в МГУ, решил ее убрать, как «дочь эмигранта», в Академию наук, подальше от студента.

Я думаю, что Интернет не может быть системой обучения. Нажатием кнопки знаний не получишь. Важно, как человек ищет ту или иную книгу. Он и другие читает, отбирает нужное, ненужное. И сам этот поиск уже интересен и плодотворен.

Всегда надо помнить: милости хочу от природы, а не жертвы. (Надо отдавать людям столько, сколько они требуют.)

Я заступался за А.Г. Соколова. Он мне когда-то жизнь спас, когда я был тяжело болен. После моего выступления мне хлопали стоя. Но партрешение отменено не было, и деканом назначили Андреева. Потом был И.Ф. Волков, с ним у нас были хорошие отношения. Он сразу сказал: «Я ничего делать не буду».

Моя борьба с идеализмом началась на кафедре теории литературы, когда Г.Н. Поспелов всех пичкал Гегелем. А.Н. Соколов знал философию лучше Поспелова. Наука, знания раскрепощали человека.

П.Н. Сакулин — ясный. Он пишет мыслями, а не словами. Современные литературоведы пишут словами, которые не складываются в мысли.

Я пережил три времени, три формации. И не хотел бы пережить это еще раз. И ни в одном времени не было хорошо.

(Как было на рабфаке: «Минус умный — плюс дурак».) Но я избежал всяких репрессий. Разве этого мало? Э.В. Гофман-Померанцева (профессор, доктор) мне говорила: «Давайте, Николай Иванович, соберем советский фольклор». Я сказал: «И что тогда будет? Мы с этим фольклором на Соловки поедем». Я понимал, откуда ветер дует: со стороны реакции или прогресса.

Движение диссидентов вовсе не прогрессивное явление. Сахаров открыл бомбу и ужаснулся своему открытию.

В академической среде главное кого-нибудь свалить, показать, что этот авторитет ничего не стоит.

А.Н. Соколов — автор учебника по литературе XIX века. Я был в соавторах первой редакции. Соколов кончил Духовную академию. Доказывал, что только самодержавие спасет Россию, церковь. Когда евреев выгоняли из МГУ, он приставал ко мне с моим мнимым еврейством. И тогда я ему вспомнил о самодержавии. А Василий Федорович Надеждин — очень яркая личность — говорил, что только революция откроет дорогу православию. В.Ф. Надеждин работал переводчиком в Тимирязевской академии, читал на многих языках. Погиб в ссылке в 30-е годы.

А.Н. Соколов ударился в бега, работал бухгалтером в колхозе в какой-то деревенской глуши и даже получил «Похвальный лист».

Галина Кузьминична Белоусова работала на кафедре, очень хороший человек. Хорошо ко мне относилась. Когда стали печатать мои лекции, она сказала: «Эх, Николай Иванович, что же Вы так поздно писать стали? Ведь сколько ума зря ушло!»

[О театре]

«Горе от ума» в постановке Мейерхольда мне не нравилось. Наверное потому, что я любил Малый театр. Мне казалось, что у Мейерхольда все неправда. Сцена пополам. Наверху — Чацкий, Фамусов. Внизу — три офицера. Читают стихи Пушкина «Пока свободою горим…» и другие. Декабристский дух комедии. От Грибоедова мало что осталось, а отсебятины много. Но там были очень красивые сцены: огромный рояль белого цвета, Чацкий в черной мантии. Это черное на белом смотрелось очень эффектно.

Искусство не может изобразить «как в жизни». Но обмануть зрителя можно. Его спектакли вообще очень запоминались, хотя я их не принимал. У Мейерхольда специально подчеркивалось, что это искусство, а не правда. Я, наверное, по натуре реалист. Мне близки передвижники. У Мейерхольда главный прием — гипербола, а я этого не люблю. Еще я у него помню «Рычи, Китай!» Помню Бабанову в роли китайчонка. Это было очень хорошо. Изумительно. Талантливо. Как она пела песню, вешаясь в

знак протеста на двери каюты капитана. Там все держится на том, что капитан — зверь. Его понимает только дочь Но дочь обожает этого китайчонка. Он полон гордости и независимости. Это изображение жестокости и любви было замечательно показано. Там все держалось на Баба- новой, конечно.

Театр Мейерхольда был мне для полемики, для неприятия. Я там все смотрел, но ничего не принимал. Малый театр был мне для успокоения. А Камерный театр Таирова — это для души и художественного ощущения.

Алиса Коонен — моя любовь в 15 лет. Это было просто божество. Это актриса мирового звучания, мирового! То, что она играла, запоминаешь на всю жизнь. Это божественная фигура. В ней все было гармонично. Талант Коонен — в перевоплощении, когда веришь образу, когда забываешь, что это театр. Коонен — актриса слова. Декорации и все — это тонуло в актерском исполнении. Идеи Таирова, по-видимому, воплощались только в Коонен. Но у него все актеры были очень талантливы. Коонен замечательно играла и в концертном исполнении в Клубе железнодорожников. Когда она читала «Пер Гюнта», я плакал.

Алла Тарасова играла Анну Каренину как домработницу. Это очень неудачный спектакль, хотя все говорили, что гениальный. <…> Ведь образ надо из чего-то создавать. Актер перевоплощает писателя. Вообще нельзя ставить то, что не написано для сцены. Вот Островскии писал только для театра, и до сих пор можно ставить. Мастерство! Его пьесы живут до сих пор, и актеру там есть что делать. Правда, там режиссеру мало что остается делать. Островский — это мастерство!

В 6 классе мы ходили в театр Вахтангова. Спектакль «Коварство и любовь». У нас были билеты на последний ряд галерки, а мы садились в первый ряд партера. Администратор был возмущен и запер нас в своем кабинете. Когда он пришел нас выпустить, мы просили, чтобы он оплатил нам билеты: во-первых, это дискредитация Советской власти

во-вторых, мы следующий раз также придем, и в-третьих, нам не дают эстетически развиваться, а мы так любим театр, последние деньги на билет откладываем.

МХАТ начала XX века. Трагедию пьесы «Вишневый сад» хотели показать, как в жизни. Для этого надо было быть не исполнителем, а участником. В жизни они хотели быть господами. Показано было все предвзято. Еще А. Суворов говорил: не дай бог быть господином. Можно быть только тем, кем родился. Произведение воспроизводилось не так, как на самом деле, а как оно преломилось в сознании буржуа.

Немирович стоял несоизмеримо выше Станиславского по

мировоззрению и эстетике. Мейерхольд называл его «приживалой», а он, в сущности, задавал тон всему театру.

[О Вертинском]

Это было уже после войны. Я слушал его только один раз. Это был голос с очень выразительной дикцией. Особенно приятно было слушать «Я маленькая балерина», «Я не знаю, кому и зачем это нужно». Он производил впечатление, какое может производить артист, особенно русскими вещами. Стоял огромный белый рояль. И он был на его фоне как черная птица. Его манерность, видимо, была необходимостью жанра. Казалось бы, это вообще должно уйти из сознания. Но время не стерло ничего. Один из бывших офицеров говорил, что его концерты дороги потому, что он может передать то, что мы чувствуем, а мы чувствуем весь трагизм положения России.

[Из воспоминаний о Павле Корине]

Я познакомился с Кориным. Он тогда был модный художник. Он написал огромное полотнище «Русь уходящая». Корин интересен не только этой композицией. Есть еще этюды, типажи, бесконечное количество различных русских типов: монахи, священники, юродивые, нищие, калеки. Одного такого нищего он нашел на паперти и уговаривал идти к нему домой. Он сначала не соглашался Но потом есть захотелось. Из нищего падали вши. Корин сказал, что это лучшая модель. Когда нищий нажрался он потерял свой страдальческий вид и стал довольным! Жене: «Зачем ты его накормила? Он перестал светиться, Он мне испортил всю композицию».

Корин обладал какой-то особой способностью, что лица светились изнутри, тот внутренний свет, который бывает от святой жизни. Я там часами простаивал. Но разговаривать с Кориным было неинтересно. Ворошилов ему говорил: «Ты наш, пролетарский! Зачем ты имеешь дело с попами?» Они тоже хотели, чтобы Корин писал их портреты. Но их лица уже не светились. Корин был замечательный художник-психолог. Я спросил, у кого он учился. — Как у кого? У жизни. — Но какого направления? — О, этого я не знаю. Я художник не направления, не течения, не школы. Я художник от рождения, кисть в руки я взял мальчишкой, а как получается, я не знаю. Жуков хотел, чтобы я написал его портрет. Но он не мог все время сидеть. Вы мундир свой наденьте на денщика. А как же фигура? Мне ведь главное лицо. Смотрят на лицо. Лицо Корин написал. А когда надо было все ордена выписывать, Жуков не согласился, и Корин писал их на память.

Этюды для Дворца съездов. Посмотрите. Лента событий советского времени. «А вот я вам скажу по секрету: мне не

удается мозаика в стекле. Я не мозаичист. Это должен быть другой художник. Знаете, что интересно, вот я кого-то пишу, а он и не подозревает, что я о нем все знаю, влезаю к нему в душу. Врачи-хирурги влезают в человека и выворачивают наизнанку, так и я».

На П. Корина я обиделся. Он сказал мне, что не знает, «какая я Русь — ушедшая или уходящая». В день его именин я его поздравил с ангелом и принятием причастия, а он мне говорит: «Я вам так скажу: вы мне нравитесь, хочу написать Ваш портрет, но не знаю, кто вы Не знаю ваш внутренний мир, а обидеть вас не хочу» Так мы

я расстались, не поняв друг друга до конца. Думаю, что он схитрил.

Я в душе, конечно, пожалел, что не будет портрета…

[Любимые цитаты]

Душа растет, расходуя себя.

Быстры, как волны, дни нашей жизни.

Что ни час, то к могиле короче наш шаг. (Студенческая песня)

[Из лекции о 40-х годах XIX в.]

Жизнь можно было сделать куда лучше. Почему не сделали? Ведь Херасков предлагал идеальное устройство. Подумать только! Вся интеллектуальная жизнь России ушла на поиски и построение социализма, и оказалось — не то! Как после этого строить курс?

Наступил период, когда приходится говорить не о том, как изучают того или иного писателя, а о том, кто изучает, какая у того или иного исследователя идея при изучении писателя. Ибо наступило время не литературоведения, а время видения. На протяжении последнего столетия много написано о писателях XIX века. Какова идеология самих авторов? Как этот мир идей воздействует на читателя? Попросту говоря, всестороннее изучение истории. К этой задаче мы совсем не подготовлены, не изучены сами исследователи, которые называют себя «пушкиноведами», «толстоведами» и т. д. — к ним нет подхода, а они этого требуют! Изучение не литературы, а идеи, которая лежит в литературной среде. Но к этому еще не готов современный интеллектуальный мир.

Кто Царь-колокол поднимет?

Кто Царь-пушку повернет?

[О религии, христианстве] Мой герой — Нил Сорский. Вот о ком я бы должен написать монографию. Но материала у меня мало. Материал — это очень важно. У него школа на Афоне. Он оттуда все взял. Мне он близок своим внутренним светом. «Стяжание — это прах». «Надо иметь пояс да гребень».

Хитрость — это для примитива. Подставить щеку- это такт

христианского смирения. Христианский такт — сделать врага другом. Сделать вид, что ты не обижен, апеллируя к чувству противника.

У меня в большом смысле не было врагов и противников. Так все, мелкие сошки.

В Москве был протодьякон Холмогоров. Царю Александру III за границей показывали то, другое, а царь говорит: «У меня в Москве Царь-пушка и протодьякон Льюшка» (Илья). Он пел не хуже Шаляпина. Говорил, еще неизвестно, куда больше народа придет — слушать меня или Шаляпина. Сила голоса у него была такая, что, когда он произносил молитвы, лопались стекла. Стекольщики стояли рядом, чтобы стекла вставлять. (Мне рассказывал внук Ильи Холмогорова, тоже протодьякон.) Его портрет написал П. Корин. Очень хороший портрет.

Я монархист, но не антисоветчик.

В1917 году курсистки отвоевали себе право учиться в высших учебных заведениях. Дети писарей, дьячков. В Синодальное училище брали на полный пансион: еда, три костюма, три пары обуви. У священника 12 дочерей. Что с ними делать? Надо найти 12 женихов. Замуж их выдавали за церковных пролетариев (псаломщик, звонарь и т. д.). А потом — счастье великое.

Уничтожили попов, духовенство. И через сколько- то десятилетий это появилось опять. Появились секты. Но идеология христианская.

Роль духовенства в истории русской культуры решающая, с моей точки зрения. Не дворянства, а духовенства.

Народовольческая литература выросла из идей христианства. Поэтому в нее пошли многие студенты, молодежь. Их привлекала не религиозность, а идея жертвы, подвига, равенства, братства. Это все заповеди Нагорной проповеди.

У иудеев сложились догмы, нормы, представления. Все было определено. А Иисус пришел и все наносное, лишнее снял. Освободил от всего лишнего. Так столкнулись две системы: римский материализм и иудейский идеализм. Это очень интересно. Но наши догматики не умели этим заинтересовать и всё рубили с плеча: либо так — либо так. Бога нет, и никаких гвоздей. Иудеи не верят в воскресение. У них Иисуса Христа украли; нет понятия вечной истины, все исторически конкретно, осязаемо. У христиан понятие вечной истины. Так христианство и иудейство остались вечно несоединимы. Христа они считают самозванцем.

Христианство, его принятие было очень тяжело. Это была историко-психологическая ломка.

Павел был позднее Петра. Он проповедовал как наследник

Христа через Луку. Павел и Петр — это враждующие силы, по-разному понимающие христианское учение. Петра приговорили к распятию, как бунтовщика. Он потребовал, чтобы его распяли ногами кверху. А Павла нельзя было распять. Он был гражданин Рима. Ему отрубили голову.

Надо научиться жить, и тогда ты сделаешься неуязвимым перед жизненными ситуациями. Крещеный человек не боится отчаяния, потому что он знает: за ним Бог. Сначала человек рождается от плоти и греха. А второй раз — от Бога. Для обретения души. Тоска, страдание, грусть до отчаяния… Но это обретается человеком. Идея делается материальной силой — это Маркс только Евангелие перефразировал. Благодать — она бесконечна, она повторится.

Евангелие — показ неземного через слово. Это намек на слово. Показать душу нельзя. Евангелие показывает неземное. Это совсем другое измерение. Сейчас почему нет Воскресения? Сейчас много механических способов: пересадка органов. Это можно считать воскресением? Всякое вдохновение от Бога. По мере разгадывания тайны природы разумом многое душевное уходит, чудесное исчезает.

В Чистый четверг все говели, ходили причащаться в церковь. Я был маленький. На меня надевали голубую рубашечку, штанишки до колена и желтые ботинки, которые я ненавидел, потому что хотел черные (что стоило их мне купить?). Потом мне разрешалось съесть кусочек кулича до Пасхи, и я спрашивал, не будет ли это большим грехом. Молитву этого дня я помню с детства:

Вечери Твоей Тайныя днесь, Сыне Божий,

причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи,

во Царствии Твоем.

Русская идея исходит из Евангелия. Иисус, умирая, сказал Иоанну: «Се Матерь твоя» — о Богоматери. Это его завещание. Это говорит в пользу семейных отношений, связей.

Родитель по духу всегда выше своих детей. Любви у родителя всегда больше, чем у наследника. Это и по отношению и к отцам, и к матерям. Такова природа человеческих отношений.

В купеческой среде появилась пословица: как есть отец, так убил бы его; как нет отца — так купил бы его.

Наша семейная икона — «Нечаянная Радость». Все члены нашей семьи прибегали к ней в чаяниях и были вознаграждены в прошениях и молитвах.

Икона Богоматери написана моим прапрадедом Меркурием

Радонским.

Он благословил свою правнучку Марию Романовну Либан. Он считал, что люди живут плохо, в мире нет справедливости и, будучи одним из богатых помещиков юга России, отпустил всех своих крепостных с землей, с тем наделом, которым они владели. Родственники его упрекали и говорили, что он оставил свою дочь без приданого. На что он отвечал: если будут любить, то и без приданого возьмут.

Умер он нищим, работая живописцем в церквах. Скончался под куполом, который расписывал. Дочь его, Анна Меркурьевна, похоронила его тихо и скромно.

Я ведь неплохой звонарь — очень любил звонить в колокола. Я еще застал слепых звонарей. Они могли звонить «Не рыдай мене, Мати». В Ростове, когда я водил экскурсию, ударил в колокол, а уже нельзя было. Пришлось извиняться перед начальством.

Слушал патриарха Алексия на Рождество. Я подумал, как трудно быть торжественным, говорить так, чтобы люди чувствовали торжество.

Я часто думаю: человек молится о близких, живых, умерших. Но есть ведь не только православные. А как с иноверцами? У Нила Сорского я прочитал, что можно молиться и об иноверцах.

На святки ходили христословить. Ребята говорят: пойдем христословить. Кто пирог даст, кто конфетки. Все поют «Рождество твое, Христе Боже наш…» Звезды делали из картонки и носили по домам.

Раскольники не пускали в свою среду. Интеллигентные люди, придерживались строгих правил поведения и нравственности. Отсюда произошло сращивание капитала. Они объединялись, потому что их притесняли. Много дали государству, искусству, промыслам (фарфор Кузнецова, фабрики Морозова). Не пьют, не курят, не ругаются. Очень строгий семейный уклад, нет разводов. Не можешь сладить с грехом — иди в скит. Но в среду свою они не пускают. Сейчас их немного осталось. Их капитал от труда. Они помогали революции. Группа капиталистов, которая хотела их свалить и своими идейно-религиозными связями встать во главе государства. Власть дворянская. Государство содержится за счет капитала. Поэтому надо взять власть через революционеров. Но у них не было экономической власти, и они просчитались.

Старообрядцы старались, чтобы дети учились в учебных заведениях. Читали религиозную литературу в подлиннике. Когда произошла реформа орфографии в 1918 году, они отказались писать по новому образцу. Считали, что Петр I погубил Россию.

Афоризмы, мысли

Есть учёные и ученые.

Не верь науке — верь себе!

Всем должна править нравственная идея.

Язык надо делать шелковым.

Надо выбирать достойных противников.

Литература — это наука, которая начинает изучать все сначала.

Хорошо заниматься литературой — ужасно быть царем!

Самомнение пишущего («я единственный, кто это знает») — путь к познанию.

Мне обидно только одно: я поздно стал автором.

Моя манера — я все делаю капитально.

В 20-30-е годы над умершим пели: «Вставай, проклятьем заклейменный…»

Талант — это вдохновение, это сердце.

В человеке силен эмоциональный комплекс и нервы.

Это и есть талант.

Счастье у жизни надо просить так, как беспризорник просит папиросу: «Дайте мне закурить, а то я плюну вам в морду, у меня сифилис».

Вещи переживают людей и сами продлевают жизнь тем людям, которые их хранят.

Я смерти не боюсь — я ей низко кланяюсь.

Репутация дороже денег. Печальная, потому что несовременная констатация.

[Об одной известной даме]

Она не двуличная — она столичная.

Сейчас у людей не жизнь, а какая-то пеструха.

До чего хорошее слово «погост» — погостил и хватит…

У меня перед Россией долг. Я вождь всех отринутых, отверженных, больных.

Что может быть лучше России? Ничто. Никогда. Нигде.